

УДК 81-11

А. И. Милостивая

**АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРЯМОЙ, КОСВЕННОЙ
И НЕСОБСТВЕННО-ПРЯМОЙ РЕЧИ ЖУРНАЛИСТСКОГО
ГАЗЕТНОГО НАРРАТИВА**

Статья посвящена изучению корреляции речевой структуры журналистского газетного нарратива и аксиологической оценки описываемого события. Наблюдения над эмпирическим материалом позволяют заключить, что прямая речь маркирует совместную кооперативную интеракцию в репрезентации фактуальной информации, при этом на передний план выходит эмоциональная составляющая нарратива, причем встречается как аксиологическое созвучие позиций

автора и персонажа, так и аксиологическая полифония. Косвенная речь связана с нейтральной аксиологической тональностью, а несобственно-прямая речь выражает общность при аксиологической оценке двух субъектов коммуникативного действия – автора текста и персонажа нарратива.

Ключевые слова: прямая речь, косвенная речь, несобственно-прямая речь, журналистский газетный нарратив, субъект коммуникации, аксиологическая оценка события.

А. I. Milostivaya

**AXIOLOGICAL POTENTIAL OF DIRECT, INDIRECT AND FREE INDIRECT
SPEECH IN JOURNALISTIC NEWSPAPER NARRATIVE**

The article studies the correlation of speech structure in journalistic newspaper narrative and the axiological assessment of the event described. The empirical data provide the conclusion that the direct speech marks cooperative interaction in representing factual information, while bringing to the forefront the emotional component of the narrative. Both the axiological consonance and the polyphony can

be observed. Indirect speech reveals neutral axiological tone, free indirect speech expresses the unity in axiological assessment made by two subjects of the communicative act – the author of the text and the character of the narrative.

Key words: direct speech, indirect speech, free indirect speech, journalistic newspaper narrative, subject of communication, axiological assessment of the event.

Актуальность исследования обусловлена логикой развития теории и практики анализа смыслокреативного авторского фактора в нарративном тексте. Принимая во внимание то обстоятельство, что современные нарратологические концепции были призваны эксплицировать сложное взаимодействие между событием, смыслом и взаимодействующими субъектами повествования, логично было бы ожидать, что аспект нарратологического описания различных типов текста, связанный с характеристикой комплекса субъектов иницирующих и осуществляющих коммуникативное действие, займет более заметное место в трудах отечественных

и зарубежных исследователей. Однако на фоне бурного роста исследований в области нарратологии отсутствует сколько-нибудь системное описание этой совместной креативной смыслопорождающей деятельности в текстовом пространстве вообще и в газетном нарративе в частности.

Наши наблюдения над текстами показали, что маркеры, сигнализирующие о специфике субъекта коммуникативного действия в газетном нарративе представлены в форме конгломерата взаимодействующих и взаимообусловленных элементов, которые представлены на дискурсивном уровне в форме корреляции речевой структуры (прямой, кос-

венной, несобственно-прямой речи) журналистского газетного нарратива и аксиологической оценки описываемого события.

Целью статьи является анализ взаимосвязи выбора способа оформления речи (прямой, косвенной, несобственно-прямой речи) журналистского газетного нарратива и аксиологической оценки описываемого события. Далее мы охарактеризуем структурно-функциональные особенности каждого из перечисленных выше видов речи с тем, чтобы пролить свет на выбор журналиста, коррелирующий с аксиологической направленностью периодического издания.

Прямая речь (или цитирование) – это дословное воспроизведение речи участвующего в описываемом событии коммуниканта, когда «говорящий подает цитируемую речь/мысли/письменный текст как не принадлежащему, приписывая все особенности интонации, лексики, грамматики и стиля автору оригинального дискурса» [7, с. 426]. Таким образом, прямая речь изображает индивидуальные особенности производства высказывания того или иного представителя лингвокультурного сообщества. Это качается как лексического выбора (профессионализмы, диалектизмы), так и ее синтаксического оформления.

Другим типом представления речевой партии другого, отличного от повествователя, лица является косвенная речь. В структурном плане она являет собой единство двух частей:

1) слов автора с *verba dicendi* и в ряде случаев подчинительного союза;

2) передаваемой чужой речи, которая утрачивает иллюкутивную автономию.

В исследованиях по стилистике справедливо отмечается, что косвенная речь «является лишь передачей краткого содержания прямой речи и поэтому может носить характерные черты, типичные для авторского слога» [3, с. 202]. Косвенная речь акцентирует не стилистические особенности слога продуцента речи, а информацию, заключенную в повествовании.

Третьим видом экспликации речи нарративных субъектов, в том числе, и в СМИ, является несобственно-прямая речь. В лингвистических исследованиях данное понятие ассоциируется, в первую очередь, с изображением мыслей и чувств действующего

лица в такой форме, в которой повествователь идентифицирует себя с тем персонажем, чьи мысли и чувства представлены в ткани текста [11, с. 223; 6, с. 172 и др.]. Характерной структурной чертой несобственно-прямой речи является ее нулевая маркированность кавычками и глаголами речи, а также вопросительные, восклицательные и неполные предложения (чаще с оценочной семантикой), что позволяет «заставляет его обратить внимание на контекст. Обращение к контексту, возвращение к более ранним местам текста и размышление над тем, чей голос ... слышен в том или другом отрывке повествовательного текста, нередко являются единственными средствами, позволяющими угадать, кто в данном месте видит и говорит» [11, с. 223].

Особый упор делается на двуплановость несобственно-прямой речи: «Формально она строится от автора, но в ней очень явственно слышен «голос» персонажа, в авторскую речь включаются лексические и синтаксические элементы прямой речи (междометия, восклицательные предложения), двойственный характер приобретают в таком окружении местоимения 3-го лица» [10, с. 119]. По словам В. Шмида, несобственно-прямая речь – это «проявление более общего явления текстовой интерференции» [11, с. 223]. С точки зрения Е. В. Падучевой, несобственно-прямая речь эксплицирует полифонию, эмпатию и ироничное отношение к содержанию высказывания, а также дает возможность охарактеризовать персонаж «изнутри» [8, с. 337].

Функциональные и коммуникативно-прагматические особенности различных видов речи в газетном дискурсе активно обсуждаются в трудах по теории языка. Так, И. А. Пушкарева рассматривает взаимодействие чужой речи с авторским контекстом в газетной публицистике на материале региональной газеты «Кузнецкий рабочий». В фокус ее исследовательского интереса попадает, прежде всего, особенности интенсификации диалога с читателем с помощью дословного цитирования разговорной речи в СМИ [9]. По мнению автора статьи, «взаимодействие авторского контекста и чужой речи в случаях ее дословной передачи и пересказа позволяет журналисту создать образ другого речевого субъекта, усиливающий праг-

матическую программу публицистического текста и выражающий авторскую концепцию с помощью стилистического эффекта стереоскопического изложения» [9, с. 194].

В исследовании М. Ю. Глазковой упор делается на показ релевантности комбинирования прямой, косвенной и несобственно-прямой речи при реализации повышения достоверности информирования в СМИ и интенсификации их воздействующей функции [4]. Изучая стилистический потенциал несобственно-прямой речи в газетном тексте, О. А. Блинова, в след за Г. Редкером, выделяет две ее функции: «драматизирующую» (*dramatizing*), связанную с доступом к сознанию описываемого персонажа, и «документализирующую» (*documentalizing*), которая «позволяет автору не только констатировать некий факт, но и дать его оценку, при этом не фокусируя внимания на журналисте» [2, с. 141]. Именно эта вторая функция релевантна с позиции нашего исследования, т.к. мы сфокусируем в дальнейшем свое внимание на особенностях аксиологической оценки в газетном нарративе.

А. И. Арсланова в своем диссертационном исследовании анализирует ссылки на чужую речь в полиперсональной структуре газетного дискурса и подчеркивает при этом, что в рассматриваемом ею жанре прессы «чужая речь в значительной степени реализуется посредством косвенной речи – нейтрального способа изложения, в котором автор передает лишь содержание чужого высказывания (так называемая „Default-Form des Zitierens“ – «цитация по умолчанию») [1, с. 11].

А. В. Колесниченко выделяет три функции прямой речи в СМИ:

1. Свидетельство достоверности произнесения слов тем или иным политиком или газетным персонажем.

2. Передача индивидуально-окаzionaliх журналистских слов и выражений с профессиональной или эмоциональной окраской.

3. Передача юридически спорных высказываний, чтобы журналист мог снять с себя часть судебной ответственности [5, с. 31–32].

При этом он подчеркивает, что прямая речь передает слова персонажа газетного нарратива достоверно, без искажения, а также в развернутой форме, что препятствует экономии места на газетной полосе. Поэтому прямая речь в СМИ часто дополняется кос-

венной: «ту же самую информацию журналист своими словами может пересказать короче и понятнее» [5, с. 31–32]. С аксиологической оценкой описываемого в газетном нарративе события коррелируют в данном случае все три функции, что мы и покажем ниже.

Далее мы проанализируем эмпирику в форме нарратива «Теракт в Тунисе» из газеты «Франфуртер Альгемайне» с тем, чтобы выявить корреляции речевой структуры (прямой, косвенной, несобственно-прямой речи) журналиста и аксиологической оценки описываемого события.

В статье “Präsident will Terroristen “endgültig ausschalten” (Президент хочет «окончательно уничтожить» террористов) доминирует речь журналиста, повествующая о неоспоримых фактах:

Mindestens zwei mit Sturmgewehren bewaffnete und in Militäruniformen gekleidete Angreifer hatten demnach am Mittag auf dem Platz vor dem archäologischen Museum und dem daneben liegenden Parlamentsgebäude das Feuer auf Touristen eröffnet [16]. – По меньшей мере два террориста, вооруженные автоматами и одетые в военную форму, в минувшую среду открыли огонь в туристов на площади перед Археологическим музеем, находящемся вблизи от здания парламента.

Там, где повествующий субъект (журналист) не обладает полной уверенностью в фактах и оценках, использованная косвенная речь описываемого политического деятеля:

Ministerpräsident Essid sagte, es werde nach drei Personen gefahndet, die möglicherweise an dem Anschlag beteiligt gewesen. Die Angreifer hätten die Wirtschaft des Landes treffen wollen, die zu einem hohen Maße vom Tourismus abhängt [16]. – Премьер-министр Эссид заявил, что задержены трое лиц, которые предположительно были участниками теракта. По его словам, террористы хотели нанести ущерб экономике страны, которая сильно зависит от туризма.

В тех текстовых пассажах из статьи, где даны эмоциональные высказывания политиков-субъектов нарративного коммуникативного действия использована прямая речь, в частности в данной статье это дословная цитация премьер-министра Туниса:

Der Regierungschef rief die Tunesier auf, die Sicherheitskräfte “in einer sensiblen und wichtigen Phase” des Übergangs zur

Demokratie nach dem Sturz des Diktators Ben Ali im Jahr 2011 zu unterstützen. Präsident Béji Cad Essebsi erklärte, ein "riesiges Unglück" habe Tunesien heimgesucht. Das Land müsse alle Kräfte mobilisieren "und die Terroristen endgültig ausschalten" [16]. – Глава правительства призвал жителей Туниса поддерживать правоохранные органы в период «хрупкой и важной фазы» перехода к демократии после свержения диктатора Бена Али в 2011 г. Президент Беджи Каид Эс-Сибси пояснил, что Тунис настигла «огромная беда». Страна должна мобилизовать свои силы и «окончательно уничтожить террористов».

В информационном сообщении из того же самого нарратива "IS bezichtigt sich des Anschlags in Tunis" (ИГИЛ взяла на себя ответственность за теракт в Тунисе) дословная прямая речь использована для дистанцирования от позиции описываемой в статье запрещенной террористической организации:

Die Terrormiliz "Islamischer Staat" hat sich in einer Internetbotschaft des Anschlags auf ein Museum in Tunis bezichtigt. Die Angreifer wurden darin als "Ritter des Islamischen Staates" bezeichnet [14]. – Террористическая группировка «Исламское государство» взяла на себя ответственность за совершение теракта в музее Туниса в интернет-послании. Террористы названы в нем «рыцарями Исламского государства».

В статье "Das Krebsgeschwür Terror" (Паковая опухоль террора) в форме прямой речи представлено лишь одно заковыченное слово, что позволяет, однако, журналисту отмежеваться от неразделяемой им аксиологической позиции описываемого лица:

Offenbar wird, dass diese mordenden Extremisten vor allem eines anstreben: Sie wollen die Zivilisation zerstören. So drohte einer ihrer Führer, Tunesien werde erst zur Ruhe kommen, wenn der Islam – womit er natürlich "seine" Version des Islams meint – über das Land herrsche [13]. – Кажется, что совершающие убийства экстремисты стремятся только к одному. Они хотят разрушить цивилизацию. Их лидер пригрозил, что в Тунисе воцарится мир только тогда, когда ислам, причем он имеет в виду «свою» версию ислама, завладеет всей страной.

В газетном материале "Sehnsucht nach dem starken Mann" (Тоска по твердой руке) дословно цитируется высказывание такого

субъекта коммуникативного действия нарратива, как очевидец теракта, что придает повествованию особый колорит достоверности:

Hamadi Abdelsalem ist Fremdenführer, er war hier, als die Dschihadisten vergangene Woche das Feuer auf die Touristen eröffneten. "Ich hörte die Schüsse, dann habe ich meine Gruppe durch einen Hinterausgang in Sicherheit gebracht", sagt er [12]. – Экскурсовод Хамади Абдельсалам видел, как джихадисты на прошлой неделе открыли огонь по туристам. Он сообщил: «Я слышал выстрелы, потом я спрятал свою группу в безопасное место около запасного выхода».

Рассмотрим нарратив «Демонстрация участников политической группировки "Blockupy" во Франкфурте» из газеты «Франкфуртер Альгемайне».

Статья-кадр данного нарратива "Wohin die Blockupy-Randale führen" (К чему могут привести действия хулиганов из группировки "Blockupy") имеет подзаголовок "Wie erklär ich's meinem Kind?" (Как я все объясню своему ребенку). Здесь автор задействовал не собственную прямую речь при описании социально-актуальной проблемы с тем, чтобы на примере популярного рассказа ребенку о беспорядках во Франкфурте порассуждать об их причинах и истоках. Тем самым здесь одновременно два повествующих субъекта – журналист и отец, который беседует со своим сыном, т.е. типизированный житель Франкфурта:

Was diese Geschichte mit Blockupy und den Randalen von Mittwoch zu tun hat? Mehr, als es auf dem ersten Blick scheint.... Warum gerade Frankfurt? Hier sitzt die Europäische Zentralbank (kurz: EZB), die am Mittwoch eröffnet wurde. Sie ist für die Demonstranten ein Symbol für alles, was in Europa falsch läuft [15]. – Какой вред нанесли события с политической группировкой «Blockupy» и хулиганами в среду? Большой, чем это кажется на первый взгляд.... Почему именно Франкфурт? Здесь находится Европейский центральный банк (коротко: ЕЦБ), который должен открыться в среду. Он является для демонстрантов символом всего плохого, что происходит в Европе.

В другом газетном материале под заголовком "Man hält seinen Kopf für diesen Staat und seine Bürger hin" (Обеспечим безопасность государства и его граждан) встречаем сле-

дующий пассаж несобственно-прямой речи, с помощью которого передаются мысли как автора, так и персонажа, т.е. франкфуртского полицейского, по поводу акций протеста, вызывающих в обоих случаях негативную оценку:

Wie kann ein Mensch dazu fähig sein, Brennsätze auf ein Fahrzeug zu schmeißen, in dem mindestens zwei Kollegen sitzen? Das Fahrzeug brennt, die Kollegen befinden sich noch im Fahrzeug. Und es gibt trotzdem Leute, die brennendes Material auf das Fahrzeug schmeißen? Man ist ja austauschbar [17]. – Как человек может быть способен бросать петарды в машины, в которых сидят, по меньшей мере, два их коллеги? Петарда горит, а коллеги, все еще в машине. И, несмотря на это существуют ли люди, которые бросают петарды в машины? Да, и все время разные.

Таким образом, выбор типа речи (прямая, косвенная или несобственно-прямая) напрямую коррелирует с аксиологической оценкой в газетном нарративе. При этом прямая речь имеет референциальную отсылку к деятельности описываемого персонажа в качестве коммуникативного субъекта описываемого нарративного действия и позиционирует

совместную кооперативную интеракцию в репрезентации фактуальной информации, при этом аксиологическая оценка этих субъектов по описываемому вопросу может не совпадать (журналист дистанцируется от слов персонажа, чтобы избежать моральной и юридической ответственности) или быть тождественной при акцентировании достоверности описываемых событий. В тех фрагментах, где при помощи прямой речи эксплицируется эмоциональная составляющая нарратива, возможна как аксиологическое созвучие позиций автора и персонажа, так и аксиологическая полифония. Косвенная речь связана с репрезентацией журналистской трактовки слов действующего в нарративе лица, а потому она обладает нейтральной аксиологической тональностью. Несобственно-прямая речь в журналистском газетном нарративе способна эксплицировать общую аксиологическую оценку двух субъектов коммуникативного действия – автора текста и персонажа нарратива, при этом аксиологическое отношение к предмету изображения возможно как позитивное, так и негативное.

Литература

1. Арсланова А. И. Структурно-семантические и функциональные особенности информационных заметок на немецком и русском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань: КФУ, 2013. 22 с.
2. Блинова О. А. О стилистическом потенциале несобственно-прямой речи в газетном тексте // Вестник МГЛУ. 2010. Выпуск 17 (596). С. 136–146.
3. Гальперин И. Р. Очерки по стилистике английского языка. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1958. 460 с.
4. Глазкова М. Ю. Чужая речь как средство реализации доминантных функций публицистического текста // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2012. №4 (15). С. 51–53.
5. Колесниченко А. В. Настольная книга журналиста. М.: Аспект Пресс, 2013. 334 с.
6. Кухаренко В. А. Интерпретация текста. М.: Просвещение, 1988. 192 с.
7. Литвиненко А. О. Стратегии передачи чужой речи в рассказах по картинкам (на материале русского языка) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. М.: РГГУ, 2011. С. 425–433.
8. Падучева Е. В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива. М.: Языки славянской культуры, 2010. 480 с.
9. Пушкарева И. А. О взаимодействии чужой речи с авторским контекстом в газетной публицистике (на материале городской газеты «Кузнецкий рабочий») // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2012. 10 (125). С. 189–195.
10. Солганик Г. Я. Стилистика текста. М.: Флинта, 2003. 256 с.
11. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2008. 304 с.
12. Ehrhardt C. Sehnsucht nach dem starken Mann // Frankfurter Allgemeine 25.03.2015. URL: <http://www.faz.net/aktuell/politik/ausland/afrika/tunesien-nach-anschlag-auf-museum-in-tunis-broeckelt-frieden-13503969.html> (Дата обращения: 29.08.2016).
13. Hermann R. Das Krebsgeschwür Terror // Frankfurter Allgemeine 19.03.2015. URL: <http://www.faz.net/aktuell/politik/ausland/afrika/anschlag-von-tunis-das-krebsgeschwuer-terror-13494051.html> (Дата обращения: 29.08.2016).
14. Kusicke S. IS bezichtigt sich des Anschlags in Tunis // Frankfurter Allgemeine 19.03.2015. URL: <http://www.faz.net/aktuell/politik/ausland/afrika/tunis-armee-in-alarmbereitschaft-versetzt-13492998.html> (Дата обращения: 29.08.2016).

15. Nestler F. Wohin die Blockupy-Randale führen // Frankfurter Allgemeine 20.03.2015. URL: <http://www.faz.net/aktuell/feuilleton/familie/wie-erkläre-ich-s-meinem-kind/wohin-die-blockupy-randale-in-frankfurt-fuehren-13494127.html> (Дата обращения: 29.08.2016).
16. Präsident will Terroristen "endgültig ausschalten" // Frankfurter Allgemeine 18.03.2015. URL: <http://www.faz.net/aktuell/politik/ausland/afrika/touristen-bei-anschlag-in-tunis-getoetet-13490987.html> (Дата обращения: 29.08.2016).
17. Schaaf J. Man hält seinen Kopf für diesen Staat und seine Bürger hin // Frankfurter Allgemeine 22.03.2015. URL: <http://www.faz.net/aktuell/rhein-main/blockupy/blockupy-krawalle-in-frankfurt-ein-polizist-erzaehlt-13497700.html> (Дата обращения: 29.08.2016).

References

1. Arslanova A. I. Strukturno-semanticheskie i funktsional'nye osobennosti informatsionnykh zametok na nemetskom i russkom yazykakh (*Structural-Semantic and Functional Features of the Information Notes in German and Russian*): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk заменить на abstract of thesis. Kazan': KFU, 2013. 22 s.
2. Blinova O. A. O stilisticheskoy potentsiale nesobstvenno-pryamoi rechi v gazetnom tekste (*Free Indirect Discourse and its Stylistic Potential in Newspaper Texts*) // Vestnik MGLU. 2010. Vypusk 17 (596). С. 136–146.
3. Gal'perin I. R. Ocherki po stilistike angliiskogo yazyka (*Essays on the Stylistics of English*). M.: Izdatel'stvo literatury na inostrannykh yazykakh, 1958. 460 s.
4. Glazkova M. Yu. Chuzhaya rech' kak sredstvo realizatsii dominantnykh funktsii publitsisticheskogo teksta (*Another's Speech as Means of Dominant Functions Implementation in Journalistic Text*) // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2012. № 4 (15). С. 51–53.
5. Kolesnichenko A. V. Nastol'naya kniga zhurnalista (*Handbook of Journalist*). M.: Aspekt Press, 2013. 334 s.
6. Kukhareno V. A. Interpretatsiya teksta (*Text Interpretation*). M.: Prosveshchenie, 1988. 192 s.
7. Litvinenko A. O. Strategii peredachi chuzhoi rechi v rasskazakh po kartinkam (na materiale russkogo yazyka) (*Speech Reporting Strategies in Russian Comics-Based Stories*) // Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. M.: Izdatel'stvo RGGU, 2011. С. 425–433.
8. Paducheva E. V. Semanticheskie issledovaniya: Semantika vremeni i vida v russkom yazyke; Semantika narrative (*Semantic Research: The Semantics of the Time and Aspect in the Russian Language; The Semantics of the Narrative*). M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2010. 480 s.
9. Pushkareva I. A. O vzaimodeistvii chuzhoi rechi s avtorskim kontekstom v gazetnoi publitsistike (na materiale gorodskoi gazety «kuznetskii rabochii») (*On the Interaction of Another Author's Speech and Author's Context in Texts of Newspaper Style (Data: The City Newspaper "Kuznetsky Rabochy")*) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2012. 10 (125). С. 189–195.
10. Solganik G. Ya. Stilistika teksta (*Text Stylistics*). M.: Flinta, 2003. 256 s.
11. Schmid V. Narratologiya (*Narratology*). M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2008. 304 s.
12. Ehrhardt C. Sehnsucht nach dem starken Mann // Frankfurter Allgemeine 25.03.2015. URL: <http://www.faz.net/aktuell/politik/ausland/afrika/tunesien-nach-anschlag-auf-museum-in-tunis-broeckelt-frieden-13503969.html> (Accessed: 29.08.2016).
13. Hermann R. Das Krebsgeschwür Terror // Frankfurter Allgemeine 19.03.2015. URL: <http://www.faz.net/aktuell/politik/ausland/afrika/anschlag-von-tunis-das-krebsgeschwuer-terror-13494051.html> (Accessed: 29.08.2016).
14. Kusicke S. IS bezichtigt sich des Anschlags in Tunis // Frankfurter Allgemeine 19.03.2015. URL: <http://www.faz.net/aktuell/politik/ausland/afrika/tunis-armee-in-alarmbereitschaft-versetzt-13492998.html> (Accessed: 29.08.2016).
15. Nestler F. Wohin die Blockupy-Randale führen // Frankfurter Allgemeine 20.03.2015. URL: <http://www.faz.net/aktuell/feuilleton/familie/wie-erkläre-ich-s-meinem-kind/wohin-die-blockupy-randale-in-frankfurt-fuehren-13494127.html> (Accessed: 29.08.2016).
16. Präsident will Terroristen "endgültig ausschalten" // Frankfurter Allgemeine 18.03.2015. URL: <http://www.faz.net/aktuell/politik/ausland/afrika/touristen-bei-anschlag-in-tunis-getoetet-13490987.html> (Accessed: 29.08.2016).
17. Schaaf J. Man hält seinen Kopf für diesen Staat und seine Bürger hin // Frankfurter Allgemeine 22.03.2015. URL: <http://www.faz.net/aktuell/rhein-main/blockupy/blockupy-krawalle-in-frankfurt-ein-polizist-erzaehlt-13497700.html> (Accessed: 29.08.2016).